

Не подписывать

801-17
45

К. Д. Вальмонтъ.

СБОРНИКЪ
СТИХОТВОРЕНІЙ.

* * * * *

Ты помнишь-ли, какъ счастливы мы были,
Мой милый другъ, въ веселый майскій день?
Какъ въ синемъ небѣ тихо тучки плыли,
На насъ бросая трепетную тень?
Какъ луи пестрыя волшебными цвѣтами,
Какъ въ насъ любовь волшебная цвѣла?
Какъ изъ цвѣтовъ ты нежными руками
Въенокъ роскошный для меня сплела?
И какъ въ дали, и ясной, и лучистой,
Мнѣ чудный голосъ пѣсни каптвалъ,
И пѣсни тѣ я сплелъ въ венокъ душистый,
И имъ тебя, мой милый другъ, вычлалъ?...

К. Б.

Щс124

ЯРОСЛАВЛЬ.

Типо-Литографія Г. В. Фалькъ, Духов. ул., собств. домъ.

1890.

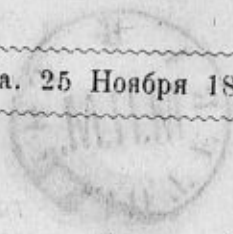
1889

К. Д. Бальмонтъ

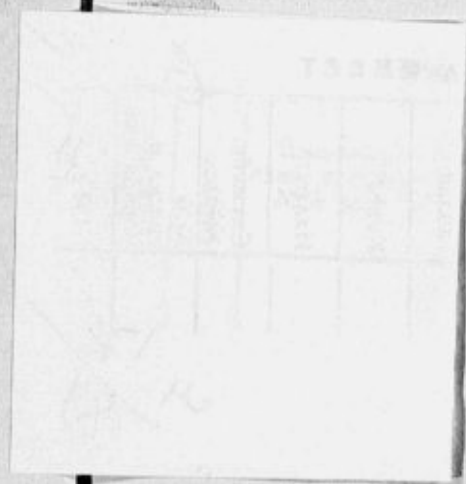
СБОРНИКЪ

СТАНХОТВОРЕНІЙ

Дозволено цензурой. Москва. 25 Ноября 1889 г.

К. Д. Бальмонтъ.

82708-0

2007337033

Посвящается

А. М. Б.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОРИГИНАЛЬНЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

Двѣ волны.

Надъ гладью морской поднялись двѣ волны,
И долго и страстно лобзались,
И, нѣжной любовью другъ къ другу полны,
На берегъ высокій помчались.
„На берегъ высокій, — мечтали они, —
Примчимся мы, съ тихой любовью
Приляжемъ, прильнемъ мы къ его изголовью,
И будемъ тамъ грезить въ душистой тѣни,
И будемъ тамъ нѣжиться ночи и дни,
И вѣчной томиться любовью...“
И весело волны, влюбленной четой,
Помчались, не чую измѣну,
Домчались, обнялись, — и берегъ крутой
Разбилъ ихъ въ воздушную пѣну.

Что мнѣ въ цвѣтахъ!

Что мнѣ въ цвѣтахъ, что аромать свой нѣжный
Въ лучахъ луны и въ блескъ солнца льютъ:
Вѣдь все равно навѣкъ, не нынче—завтра,

Они умрутъ!

Что въ шумномъ днѣ, что въ ночи благодатной
Они мнѣ оба дань свою несутъ;
Но день умолкнетъ; дрогнетъ ночь, блѣднѣя,—

Они умрутъ!

Что мнѣ въ любви, что въ клятвахъ, поцѣлуяхъ!
Въ май жизни ихъ намъ боги съ неба шлютъ;
Но въ безднѣ Смерти иль во тьмѣ Измѣны

Они умрутъ!

Струя.

Наклонись надъ колодцемъ,—увидишь ты тамъ,
Словно грязная яма чернѣется,
Пахнетъ гнилью и плесень растетъ по краямъ,
И прозрачной струи не виднѣется.

Но внизу, въ глубинѣ, среди гнили и тьмы,
Тамъ гдѣ пропасть чернѣется мглистая,
Какъ въ суровыхъ объятыхъ угрюмой тюрьмы,
Робко бьется струя серебристая.

Степь.

1.

Степь неоглядная,
Степь безконечная,
Моремъ она разстилается.
Въ бурю-ли темную,
Въ утро-ли ясное
Пѣсня надъ ней разливается.
Слышны въ ней жалобы,
Слышны рыданія,
Стоны и мука постылая.
Пѣснь эта—жизнь наша,
Степь эта—родина,
Родина наша унылая.

2.

Степь глухая спитъ спокойно,
Сномъ объята безпробуднымъ,
А надъ ней нависли стройно
Хоры звѣздъ, въ сіяньи чудномъ.
Звѣзды искрятся, сверкая
Вспышкой ласки и привѣта,
Но безмолвна степь глухая,
Ночи сумракомъ одѣта.

* * *
* * *
* * *

Они сошлись ночью въ роцѣ темной,
Когда въ кустахъ звенѣли соловьи
И вешнія фіалки въ нѣгѣ томной
Къ землѣ склоняли вѣнчики свои.
И, внявъ любви призывный, страстный голосъ,
Онъ сталъ предъ ней съ мольбою на устахъ,—
И сколько чувствъ у нихъ въ сердцахъ боролось,
И сколько звѣздъ горѣло въ небесахъ!
И ночь плыла, и ночь къ любви манила,
И навѣвала грезы эта ночь,
И свѣтлыхъ грезъ чарующая сила
И муки, и тоску умчала прочь...
И онъ шепталъ ей въ этотъ мигъ свиданья:
„О, обними меня, о, будь моей!

„Ты видишь, сколько на небѣ сіянья,
„Ты слышишь, какъ рыдаетъ соловей,—
„Весь міръ исполненъ сладкаго томленья,
„Весна весь міръ возвала къ счастью вновь,
„И въ насъ, сквозь мракъ уснувшаго сомнѣнья,
„Свѣтлѣе яркихъ звѣздъ горитъ любовь!
„О, вѣрь, насъ это чувство не обманетъ,
„Въ насъ много страсти, много въ насъ огня!
„Разсвѣтъ далекъ! И ночь къ любви такъ манитъ!
„О, будь моей, о, обними меня!...“
И обнялись они въ восторгѣ страстномъ,
Забывши, сколько ждетъ ихъ мукъ и бѣдъ...
А на небѣ—и звѣздномъ, и прекрасномъ—
Блѣднѣла ночь и близился разсвѣтъ...

М и г ъ.

„Werweile doch, du bist so schön“...
Goethe.

Счастья мигъ быстротекущій
Улыбнулся—и тотчасъ
Улетѣлъ, во тьмѣ гнетущей
Оставляя насъ.

Подожди, ты такъ прекрасенъ,
Счастья дивный, краткій мигъ,
Смѣхъ твой звонокъ, взоръ твой ясенъ,
Чудно-свѣтель ликъ!

Подожди! Волшебной сказкой
Насъ утѣшь, о, гость небесъ,
Подари страдальцевъ лаской!..
Но ужь онъ исчезъ,—

Счастья мигъ быстротекущій
Улыбнулся,—и тотчасъ
Улетѣлъ, во тьмѣ гнетущей
Оставляя насъ.

* * * * *

Не думай скорби мировой
Ты убаюкать личнымъ счастьемъ!
Другимъ судьба грозитъ ненастьемъ,
Тебя она даритъ мечтой,
Но если всюду слезы льются,
Они въ груди твоей живой
Отвѣтнымъ стономъ отзовутся...

Какъ послѣ долгихъ мукъ, слеза
Невольно на глазахъ трепещетъ,
Такъ въ знойный лѣтній день гроза
Дрожитъ на небесахъ и блещетъ...
Идетъ гроза—и громъ гремитъ,
И ярко молнія горитъ,

И вѣтеръ буйно клонитъ ниву,
Колосья буйно о-земь бьеть,
И хочетъ съ корнемъ вырвать иву,
Что на межѣ межъ нихъ ростеть,
И льется дождь, и градъ идетъ...

Но вотъ порывъ грозы стихаетъ;
Съ грозой утихнувъ, градъ молчитъ,
И солнца яркій лучъ горитъ
Улыбкой ясной послѣ гнѣва,
И вѣтеръ ласково шумитъ;
Но нива бѣдная молчитъ:
Пропали всѣ плоды посѣва,
Все поле выбилъ шумный градъ,
Ужъ серпъ не заблеститъ надъ нивой,—
Колосья мертвыя лежать!

А что же случилось съ темной ивой?
Тоскливой жалости полна,

Склонившись надъ погибшей нивой,
Тихонько слезы лить она.
Пусть жгучей молніей палима,
Она осталась невредима;
Пусть въ блескъ солнечныхъ лучей
Ей вѣтерокъ шумить нѣжнѣй;
Пусть небо радугой прекрасной
Ей шлетъ улыбку въ нѣгѣ ясной,—
Но ей такъ нивы бѣдной жаль!
Она сроднилась съ ней: бывало,
Она ей грезы навѣвала
И съ нивой шелестъ свой сливала...
Невыразимая печаль
Ее къ колосьямъ наклоняетъ,
И ива съ каждаго листка,
Подъ дуновеньемъ вѣтерка,
Слезу блестящую роняетъ...

Л о д к а.

Темносинее море волнуется,
И бурливыя волны вздымаются,
И глубокая бездна кипитъ.
А вдали подъ напѣвы мятежные,
Презирая пучину бездонную,
Одинокая лодка скользитъ.
Темносинее море волнуется,
Все сильнѣе валы поднимаются,
Они лодку кругомъ облегли.
Брыжжетъ пѣной пучина бездонная,
Задрожали утесы прибрежные,
Не видѣется лодка вдали.

Искры.

Если капли дождевыя
Съ неба падаютъ на землю,—
На просторѣ поля всходы
Разростутся пышной нивой!
Если искры свѣтлой мысли
Въ душу падаютъ глубоко,—
Въ тайникахъ сокрытыхъ сердца
Вспыхнуть чувства молодыя!

На валу.

Я стою на высокомъ валу,
Предо мною сверкаетъ рѣка.
Вечеръ стелетъ свою полумглу,
Небо стелетъ свои облака.
Я стою на высокомъ валу,
И дрожить въ моемъ сердцѣ тоска.
Нѣтъ конца моимъ тусклымъ мечтамъ!
О, сокройся, сокройся тоска!
По лазурнымъ небеснымъ полямъ
Пронеситесь грозой облака!
Валь, сорвись и помчися къ водамъ,
Чтобъ, сверкнувъ, тебя скрыла рѣка!

Поэту.

О, не скорби душой, поэтъ,
Въ минуты блѣдныя безсилья!
Нѣтъ Музы, дивныхъ пѣсень нѣтъ,
Мечта свои сложила крылья;
Но вновь волшебный мигъ блеснетъ,
Нѣтъ для тебя тоски безплодной,—
Созвучій рой къ тебѣ придетъ
Съ своею пляской хороводной!

Земля—въ объятіяхъ зимы,
Міръ полонъ молчаливой муки,
Звучать среди холодной тьмы
Лишь бури плачущіе звуки;

Но снова міру май блеснетъ,—
И зашумитъ весь міръ свободный,
И юность пѣсню запоетъ
Въ весельи пляски хороводной!

Золотая заря.

Я на звѣздное небо безмолвно глядѣлъ,
Разлучившись съ своими страданьями,
Мнѣ почудилось, будто я плавно летѣлъ
Надъ землей, окрыленный мечтаньями.

Мнѣ почудились горы, лѣса и моря,
Все сулятъ мнѣ они упоеніе, —
И, сквозь сумракъ, въ душѣ загорѣлась заря,
Золотая заря вдохновенія.

Пробужденіе.

Въ чистомъ морѣ солнечнаго свѣта
Тучки цѣлью стройною плывутъ,
Нѣжатъ душу ласкою привѣта,
Вдаль ее таинственно влекутъ.

И въ душѣ опять проснулись грезы,
Вновь гроза надъ нею пронеслась:
Я смѣюсь, сквозь радостныя слезы,
Я рыдаю, радостно смѣясь.

* * * * *

Я пѣсно услыхалъ родную
Въ чужой, далекой сторонѣ,
И вновь я плачу, вновь тоскую,
И снова, какъ въ волшебномъ снѣ,
Я вижу сторону родную.

И вижу я свой старый садъ,
Теперь тамъ розы расцвѣтаютъ,
И липы грустно такъ шумятъ,
Какъ будто обо мнѣ скучаютъ,
И тихо шепчетъ старый садъ:

„О, вспомни дѣтство золотое,
„Свои младенческіе дни,
„Вернись ко мнѣ, дитя больное,

„Побудь спать въ моей тѣни
„И вспомни дѣтство золотое!

„Ты здѣсь услышишь соловья,
„Здѣсь отдохнешь отъ думъ гнетущихъ,
„Здѣсь исцѣлится грусть твоя
„Подъ шелестъ розъ моихъ цвѣтущихъ,
„Подъ дивный рокоть соловья!...“

Владикавказъ.

20 Мая 1889 г.

Полдень.

Жгучій полдень. Жаромъ дышетъ
Потемнѣвшая земля.
Солнце знойно, солнце пышетъ,
Брызжетъ свѣтомъ на поля.
По дорогѣ обожженной
Пыль далекая встаетъ,
Вѣтеръ вѣтеръ раскаленный,
Поцѣлуй землѣ несеть,
Поцѣлуй землѣ съ лазури,
Гдѣ лучи, блестя, бѣгутъ,
Гдѣ безъ горя и безъ бури
Тучки бѣлыя плывутъ.

Горечь муки.

Часто горечь муки закипаетъ
Въ глубинѣ души моей унылой,
Часто умъ въ тоскѣ изнемогаетъ
Въ битвѣ съ жизнью тягостной, постылой.
Всею силой скорбь я заглушаю,
Не желая высказать признанья,
И смѣюсь, и весело болтаю,
А въ душѣ моей звучать рыданья.
Такъ скрипачъ, въ душѣ тоску лелѣя,
Веселье съ виду, — шумно звуки льются,
Но ударить онъ смычкомъ сильнѣе,
И, рыдая, струны оборвутся.

Въ саду.

День прошель... Вдали заря пропала...
И въ моемъ саду цвѣтокъ отцвѣлъ!
О, какъ грустно, больно сердцу стало:
Безвозвратно этотъ день прошель!

Свѣтъ погасъ... Ночная тьма густѣеть...
Не грусти: и эта ночь пройдетъ,
Новый день въ тиши ночной созрѣеть
И на завтра пышно расцвѣтетъ!

Левн

На грустный мѣръ съ тоской глядѣлъ я грустнымъ взглядомъ:

Поруганъ прежній свѣтлый идеаль,
Все, что любилъ, любить я пересталъ,

И грезъ минувшихъ рай казался мрачнымъ адомъ.

И въ даль прошедшаго я устремлялъ свой взоръ,

И тамъ читалъ лишь рядъ страницъ плачевныхъ.

Но въ царствѣ сумерекъ душевныхъ
Ты вспыхнула, какъ яркій метеоръ!

Твоя любовь зажглась! Трепещущія руки

Къ тебѣ съ мольбой я простиралъ свои,

И полонъ нѣги, полонъ муки,
Весъ трепеталъ отъ страстныхъ слезъ любви.

И слезы изъ груди лились струей мятежной,
Какъ льется ключъ живой изъ мертвыхъ скаль,
И ярче взоръ твой запылалъ,
И ты ко мнѣ склонилась съ лаской нѣжной.

Страхни съ моей груди скорѣй послѣдній гнетъ,
И пѣсня, вмѣсто слезъ, струей живой, свободной,
Какъ ключъ изъ мертвыхъ скаль, пробьется, потечеть,
И любящій твой другъ свой свѣтлый гимнь споеть
Тебѣ, звѣзда моя, мой факель путеводный!

Дер. Гумниши, Шуйск. у.

1-го Сентября 1889 г.

У рѣки.

Я стою у рѣки... Надо мною
Необъятное небо горитъ.
А природа, сіяя красою,
Объ тебѣ объ одной говоритъ.

Звѣзды такъ безмятежны, лучисты,
Такъ свѣтло они въ небѣ горять,
Что я думаю: вѣрно, въ нихъ чистый
Отразился, блистая, твой взглядъ.

И рѣка, подъ покровомъ сіянья,
Такъ любовно и тихо журчитъ,
Что я слышу, какъ въ этомъ журчаньи
Голосокъ твой дрожащій звенитъ.

А кругомъ все спокойно и ясно,
Такъ что слышенъ мнѣ въ говорѣ струй
Твой горячій, и крѣпкій, и страстный,
Полный нѣжной любви, поцѣлуй.

С т а н с ы .

Ты ушла,—и, замирая,
Вдругъ умолкъ въ душѣ порывъ,
И едва дрожалъ, стихая,
Чувства сильнаго приливъ.
Снова ты вошла,—и стало
Вновь свѣтлѣй въ душѣ, она
Чутко вдругъ затрепетала,
Нѣжной радости полна.

Такъ на воды рѣчки спящей,
Сквозь нависшіе кусты,
Проскользнетъ порой дрожащій
Лучъ съ лазурной высоты,—

И кругомъ свѣтлѣе станетъ,
Гладь рѣчная заблеститъ,
И волна, проснувшись, встанетъ
И любовно зашумитъ.

* * *
* * *
* * *

Зачѣмъ ты такъ грустна, мой милый нѣжный другъ?
О чемъ ты думаешь съ поникшей головою?
Была ты весела, шутила ты со мною,
Смѣялась ласково,—и вдругъ

Съ внезапной скорбью ты уныло замолчала,
Съ твоихъ прекрасныхъ устъ безпечный смѣхъ сбѣжалъ,
И тѣнь тоски нѣмой во взорѣ задрожала,
И взоръ слезою запылалъ.

О прошломъ счастья ты задумалась съ тоскою,
О свѣтлыхъ, яркихъ снахъ умчавшейся весны!
И шепчешь тихо мнѣ, поникнувъ головою:
„Ужь не вернуться эти сны!“

И въ блѣдномъ свѣтѣ зимнихъ сумерекъ блистая,
Кругомъ лѣниво взоръ очей твоихъ скользитъ,
И внемлешь ты, какъ буря мечется, рыдая,
Какъ вѣтеръ горестно шумить...

Не плачь! Пусть за стѣной мятель гудитъ уныло,
И въ окна тускляя пусть снѣжнымъ вихремъ бьетъ:
Къ намъ старая весна свой отблескъ заронила
И новая—улыбку шлетъ!

Сгони съ лица налетъ тоски и тихой лѣни,
Сотри скорѣй слезу, что искрится въ глазахъ!
Разгонимъ сумерекъ загадочныя тѣни,
Что чуть трепещутъ на стѣнахъ,

Пусть весело скорѣй каминъ нашъ запылаетъ,
Пусть грѣетъ насъ, пусть намъ онъ блещетъ ярче дня,
Пускай игрой причудливой огня
Мечты намъ смутныя на сердцѣ навѣваетъ!...

Зачѣмъ грустить мой другъ? О, пусть зима мрачна,
Пусть крѣпко лугъ уснулъ подъ снѣжными холмами,—

Не плачь! Вернется къ намъ красавица-весна,
Опять она нашъ путь устелетъ весь цвѣтами!
Опять, купая грудь въ сіяніи лучей,
На небо жаворонокъ съ пѣснею взовьется,
И пѣснь его призывомъ нѣжнымъ пронесется
Надъ дремлющей рѣкой, въ лугахъ, среди полей!
И, снова озаренъ порывомъ вдохновенья,
Я стансы страстные опять тебѣ спою,
И прошепчу тебѣ, исполненъ упоенья:
„О, милый другъ, люблю тебя, люблю!...“

о чинахъ. Вспомни въспалитъ справедливости и
таке она ванахъ востановитъ вое настранинства
нито, нунахъ гурмаха единъ курганъ вана на странин
и небо жаворонкихъ вхъ востановитъ вое на
востъ сего прнзначитъ востановитъ востановитъ
двухъ прнзначитъ востановитъ востановитъ
еиона озвучитъ востановитъ востановитъ
станка строгими востановитъ востановитъ
пронезитъ востановитъ востановитъ востановитъ
О. востановитъ востановитъ востановитъ востановитъ
востановитъ востановитъ востановитъ востановитъ
востановитъ востановитъ востановитъ востановитъ
востановитъ востановитъ востановитъ востановитъ
востановитъ востановитъ востановитъ востановитъ
востановитъ востановитъ востановитъ востановитъ
востановитъ востановитъ востановитъ востановитъ

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ПЕРЕВОДЫ ИЗЪ ИНОСТРАННЫХЪ ПОЭТОВЪ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ПЕРЕВОДЫ ИЗЪ ИНОСТРАННЫХЪ ПОЯТОВЪ.

Стиль Проза.

Quintessence des Poésies
Régimes les plus sains
Régime de la Cour de France

ПЕРЕВОДЫ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО.

De la Santé de la Cour de France
De la Santé de la Cour de France

Сюлли Прюдомъ.

„...Comme autour des fleurs obsédées
Palpitent les papillons blancs,
Autour de mes chères idées,
Se pressent de beaux vers tremblants;
Aussitôt que ma main les touche
Je les vois fuir et voltiger,
N'y laissant que le fard léger—
De leur aile frêle et farouche...“

Sully Prudhomme.

1.

Роса.

Сижу въ мечтахъ, и вижу, какъ уныло
Блестить роса на зелени луговъ:
Рука холодной ночи положила
Ее на лепестки цвѣтовъ.
Откуда капли свѣтлыя упали?
Тамъ—безъ дождя свершаютъ тучки путь.
Ахъ, прежде чѣмъ на лепесткахъ блеснуть,
Онѣ ужъ въ воздухѣ дрожали!
Откуда слезы на моихъ глазахъ?
На ясномъ небѣ нѣтъ слѣда печали.
Ахъ, прежде чѣмъ заискрится въ очахъ,
Они ужъ въ сердцѣ накопили!

Всегда, въ сердечной притаясь тѣни,
Трепещуть слезы, дремлютъ, накаплиють,
И даже счастья радостные дни
Порой блеснуть ихъ заставляютъ!

2.

Здѣсь на землѣ.

Здѣсь на землѣ цвѣтокъ лишь мигъ блистаетъ
И пѣнье птицъ такъ умолкаетъ скоро,—
Въ моихъ мечтахъ—весна не отцвѣтаетъ
И вѣчны свѣтлыхъ пѣсень хоры.

Здѣсь на землѣ, гдѣ все такъ пусто, тлѣнно,
Проходитъ страсть, сердца на мигъ волнуетъ,—
Въ моихъ мечтахъ—царить любовь безсмѣнно
И звукъ отраднѣйшій поцѣлуя.

Здѣсь на землѣ, въ томительной пустынь,
Надъ дружбой, надъ любовью плачутъ страстно,—
Въ моихъ мечтахъ—онѣ, какъ двѣ богини,
Всегда смѣются тихо, ясно.

3.

Je ne dois plus la voir jamais!

Ужь съ нею не увижусь больше я!..
Но мать ея я часто навѣщаю;
Болтаю съ ней. Тамъ гдѣ любилъ—вздыхаю:
Отрада грустная, послѣдняя моя.

Въ той комнатѣ, что безъ нея скучаетъ,
Я чувствую присутствіе ея,—
И бьется сердце бѣдное мое:
Все, все ему объ ней напоминаетъ.

Здѣсь раньше я лишь на нее смотрѣлъ,
Теперь кругомъ свой грустный взоръ бросаю,—

Съ тѣхъ поръ, какъ этотъ домъ осиротѣлъ,
Сокровищъ сколько взоромъ я ласкаю:

Картины, книги, столикъ небольшой,
И образокъ, висящій у постели,—
Вся комната полна дыханья той,
Чей смѣхъ и говоръ раньше здѣсь звенѣли!

Порой мнѣ чудится: опять она со мной...
Сидимъ мы здѣсь, полны отрады сладкой...
Такъ мать похожа на нее порой,
Что долженъ слезы я стирать украдкой...

Вы скажете: что-жь, умерла она?
О, нѣтъ! Въ тотъ день, какъ я скорбѣлъ душою,
Она была цвѣтами убрана,
Но гроба не видалъ я за толпою...

4.

Сходство.

Мой другъ, ты знать хотѣла, почему я
Тебя такъ нѣжно, преданно люблю?
Вотъ почему, мой другъ, тебя люблю я:
Похожа ты на молодость мою.

Въ твой темный взоръ то скорбь, то упованье
Роняютъ искру свѣтлую свою,
Въ твоей душѣ всегда кипятъ мечтанья,—
Похожа ты на молодость мою.

Твой тонкій профиль—чудный ликъ камен,
Элады лучъ кладетъ игру свою

На эту грудь и косъ роскошныхъ змѣи,—
Похожа ты на молодость мою.

Любовью нѣжной, преданной сгарая,
Я каждый мигъ твержу тебѣ: „люблю,“
Но ты идешь впередъ не внемля, не взирая,—
Похожа ты на молодость мою.

5.

Это было давно.

Советь.

Ты руку жала мнѣ, болтали мы съ тобою,
Всей юною душой волнуясь и любя...
Я и теперь все твой, я все люблю тебя,
А ты—стремишься-ль ты ко мнѣ своей мечтою?
Увы! Не помнимъ мы о легкомъ ветеркѣ,
Который подарилъ насъ ласкою случайной;
Не помнимъ мы о блѣдномъ, ласковомъ цвѣткѣ,
Чьи лепестки мы обрываемъ съ думой тайной!

Я въ сердцѣ сохранилъ мнѣ милыя черты,
Воспоминанья всѣ въ душѣ моей таятся,
А ты—скажи: зачѣмъ меня забыла ты?

О, Боже, вотъ судьба! Любить тебя, терзаться,
И вдругъ утратить всѣ о счастья мечты,
И больше никогда съ тобою не видаться!

1.

Надежда.

Когда кокетливо Надежда передь нами
Смѣется, ласково кивая головой,
И вдаль летить, взмахнувши легкими крылами,
И съ чудной граціей манить насъ за собой, —
Куда идемъ? Куда насъ сердце призываетъ?
За вѣтеркомъ игривымъ ласточка летить, —
Такъ сердце вдаль насъ, легковѣрныхъ, увлекаетъ,
Когда Надежда за собою насъ манить.
И вдаль сама она, воздушная, несется,
И намъ кокетливо киваетъ головой,
И Рокъ, старикъ сѣдой, насмѣшливо смѣется
Съ своей прекрасною и юною женой.

2

Не забывай!

Слова, написанныя къ музыкѣ Моцарта.

Не забывай меня, когда Заря пугливо
Раскроетъ Солнцу свой блистательный дворецъ;
Не забывай, когда серебряный вѣнецъ
Изъ яркихъ звѣздъ надѣнетъ Полночь молчаливо!
Когда къ мечтамъ тебя вечерній часъ манить,
Когда въ душѣ твоей спокойной мирно спать
Все, что въ ней билось и боролось,
Средь чащи лѣса ты внимай,
Какъ тихо шепчетъ смутный голосъ:
„Не забывай!“

Не забывай меня, когда судьбы вѣлѣнья
На вѣки насъ съ тобой, о, другъ мой, разлучать,
Когда изгнанье, бремя долгихъ лѣтъ, мученья
Унизятъ сердце, истерзаютъ, истомятъ!

О, вспоминай моей любви печальной муки,—
Для тѣхъ, кто любить, нѣтъ забвенья, нѣтъ разлуки!
Всегда, гдѣ-бъ ни былъ я, внимай,
Всегда, покуда сердце бьется,
Къ тебѣ мой голосъ донесется:
„Не забывай!“

Не забывай, когда на вѣки подь землю
Твой вѣрный другъ въ могилѣ сумрачной уснетъ,
Не забывай, когда весеннею порою
Цвѣтокъ печальный надъ могилой разцвѣтетъ!
Мы не увидимся; но въ часъ ночной, съ любовью
Склонясь къ тебѣ, мой духъ приникнетъ къ изголовью,—
Тогда средь ночи ты внимай,
Какъ, полный трепетной тоскою,
Прошепчетъ голосъ надъ тобою:
„Не забывай!“

Вспомни мой любящий взгляд

И так, это будет не забвенье, а лишь вынужд.

Всегда, где бы ни был я, любимый

Всегда покуда сердце бьется

И в том же сердце кончается

— Не забывай!

Не забывай, когда на восток поднимается туман

И мой любимый придет из тумана, и будет твой

Не забывай, когда осенние ветры дуют в долину

И восток, не забывай, когда мой любимый придет

И не забудь, когда в долине, где туман

И восток, мой любимый придет из тумана

Тогда, когда в долине туман

И восток, мой любимый придет

Прощай, мой любимый, иди

— Не забывай!

И восток, мой любимый придет

И восток, мой любимый придет

И восток, мой любимый придет

И восток, мой любимый придет

Жанъ Лягоръ.

1.

Д.***

Въ твоихъ глазахъ, печальный, милый другъ,
Горить луны-волшебницы мерцанье, —
О, дай мнѣ отдохнуть отъ тяжкихъ мукъ,
Дай утонуть въ твоемъ сіяньи!

Забуду я въ объятіяхъ твоихъ,
Любовь моя, всё прошлыя страданья,
И въ сердцѣ скорбномъ замолчатъ рыданья,
И съ устъ моихъ слетитъ пѣвучій стихъ,

Какъ дань тебѣ, какъ дань любви прекрасной!
Забытую балладу я спою,
И, вслушавшись въ тотъ голосъ нѣги страстной,
Въ чужой судьбѣ узнаемъ мы свою.

И въ этотъ мигъ, подъ лепетъ чудной сказки,
Въ твоихъ глазахъ засвѣтится любовь,
И будетъ столько въ нихъ признаній, столько ласки,
Что къ жизни я воскресну вновь!

2.

На мотивъ Шумана.

На грудь мою, полную трепетной муки,
Изъ грустныхъ очей твоихъ слезы бѣгутъ.
О, свѣтлымъ потокомъ текущие звуки,
Въ которыхъ сердца наши вмѣстѣ плывутъ!
Какъ будто бы самая пѣсня страдаетъ:
Въ ней слышны рыданья, въ ней слышны мольбы.
Въ блаженствѣ и мукѣ душа утопаетъ,
Полна безконечно-печальной борьбы.
Зачѣмъ такъ блѣдны мы? Что грусть навѣваетъ?
Грядущее? Прошлаго черные дни?
Ты плачешь... Съ тобой мое сердце рыдаетъ:
Что тамъ предстаетъ передъ нами въ тѣни?

3.

Легенда.

Ты знаешь легенду? Лишь только луна,
Блеснувъ, озаряетъ молчаніе ночи,
Средь чащи лѣсной чьи-то искрятся очи,
Средь чащи поетъ и рыдаетъ струна,
Смущая покой задремавшей Полночи,
И звуки ея такъ воздушно-нѣжны,
 Что только влюбленнымъ слышны,
Когда они шепчутся въ сумракѣ ночи...
Любовь моя! свѣтитъ волшебна луна,
 И чаща лѣсная темна
 Полночной порою, —
Скорѣй приходи и послушай со мною,
Какъ тихо поетъ и рыдаетъ струна!

4.

Юдиейъ.

Полна любви къ отчизнѣ, рабствомъ угнетенной,
Она красу свою ей въ жертву принесла,
И съ нѣжной пѣсней, яснымъ смѣхомъ озаренной,
 Къ ужасному любовнику пошла.

Она идетъ... Горятъ алмазные запястья...
Предстала передъ нимъ она, какъ дивный сонъ, —
И жгучимъ взоромъ, пляской, полной сладострастья,
 Вождь смуглый Ассиріи опьянень!

Свой взоръ къ нему она все ближе наклоняла,
И вдругъ въ объятія къ ней онъ, торжествуя, палъ
И, страстью трепеща, ей ласки расточалъ,
И, трепеща стыдомъ, она его ласкала...
Потомъ, забывшись онъ уснулъ животнымъ сномъ...

Съ смертельнымъ ужасомъ, отчаяньемъ, стыдомъ

Она стоит, его восторги вспоминаетъ,
Дрожа, склоняетъ взоръ надъ палачемъ своимъ,
И вдругъ, сама—палачъ, блестящій мечъ вздымаетъ,—
И тяжкій мечъ, сверкнувъ, упалъ надъ нимъ!

5.

Сирена.

Во взорѣ твоёмъ точно бьется волна:
Сіяетъ въ немъ ласка, въ немъ дышетъ измѣна.
Такою же лаской коварной полна
И взоромъ такимъ же—плѣняла сирена!

Когда она голосомъ нѣжнымъ пловцовъ
Манила въ объятія бездны пустынной,—
Тотъ голосъ былъ твой—полный ласковыхъ словъ,
Дрожащій любовью и дѣтски-невинный!

И въ мигъ, когда въ безднѣ корабль погибалъ,
Когда надъ тонувшими искрилась пѣна,—
Твой смѣхъ обольстительно-нѣжный звучалъ,
Твоею улыбкой смѣялась сирена!

ПЕРВОУЧЕТЪ СЪ НЪМЪНЪНЪНЪ

Всѣхъ твоихъ слезъ и слезъ

Ихъ въ книгу эту я влилъ

Ихъ въ книгу эту я влилъ

Ихъ въ книгу эту я влилъ
Гейне.

Тоскою и слезами

„Meine Qual und meine Klagen

Hab' ich in dies Buch gegossen

Und wenn du es aufgeschlagen,

Hat sich dir mein Herz erschlossen.“

Heine.

1.

Замокъ съ выси горъ глядится
Въ Рейнъ, прозрачный, какъ стекло;
Лодка быстро вдаль стремится,
Утро ярко и тепло.

Тосковать душа устала,
На игру блестящихъ водъ
Я гляжу; что въ сердцѣ спало,
Все проснулось и живетъ.

Лаской нѣжной, лаской жаркой
Внизъ къ себѣ потокъ манить;
Но я знаю: сверху яркій,
Въ глубинѣ онъ ночь таить.

И у милой ярки глазки,
И она любовь дарить,
И она, даруя ласки,
Злой обманъ въ душѣ таить.

2.

Въ волшебный, свѣтлый мѣсяцъ Май
Цвѣты благоухали,
И грезы нѣжныя любви
Въ моей душѣ сіяли.

Въ волшебный, свѣтлый мѣсяцъ Май
Весь міръ шумѣлъ, смѣялся,
Пѣлъ соловей,—и я тебѣ
Въ своей любви признался.

3.

Изъ слезъ моихъ пышныя розы родятся,
Цвѣтуть и струять аромать,
Изъ стоновъ моихъ соловьиные хоры
Родятся и громко звенять.

Дитя! Полюби меня только,—всѣ розы
Тебѣ я тогда подарю
И пѣсню тебѣ соловьемъ сладкозвучнымъ
Подъ окнами громко спою!

4.

Лишь на тебя я посмотрю,
Ужъ весь блаженствомъ я горю;
Лишь начинаю цѣловать,
Готовъ я прыгать и скакать;
Лишь я къ груди твоей прижмусь,
Я точно въ рай перенесусь;
Но какъ ты скажешь мнѣ: „люблю,“
Терзаетъ мука грудь мою!

5.

Къ моей щекѣ своей щекой прижмись,
Тогда польются вмѣстѣ наши слезы!
Къ моей груди—своею преклонись,
И вспыхнуть ярче радужныя грезы!

И въ мигъ, когда съ любовію сожмутъ
Твой станъ мои трепещущія руки
И вмѣстѣ наши слезы потекутъ,—
Съ улыбкой я умру отъ страстной муки!

6.

На небѣ звѣзды ярко
Сквозь тьму вѣковъ горятъ
И на землю печально
И ласково глядятъ.

И говорятъ другъ съ другомъ,
И чуденъ ихъ языкъ,
Но ни одинъ филологъ
Въ ихъ говорѣ не проникъ.

А я отлично понялъ
Языкъ ихъ съ давнихъ поръ:
Грамматикой служилъ мнѣ
Чарующій твой взоръ.

7.

Отъ солнца все прячется лотось,
Хоть блескъ свой оно ему льеть;
Печально склонивши головку,
Онъ ночи мечтательно ждетъ.

Луна—вотъ о комъ онъ мечтаетъ!
Лишь только луна заблеститъ,
Цвѣтокъ раскрывается тихо,
И нѣжною лаской горитъ.

Горитъ онъ, цвѣтеть, и пылаеть,
И хочетъ обняться съ луной,
И плачетъ, и въ нѣгѣ трепещетъ
Любовью и сладкой тоской.

8.

Не любишь ты меня, меня не любишь ты!
Мнѣ горя мало въ томъ, я все же радъ сердечно:
Лишь только я взгляну на милыя черты,—
И счастливъ я, какъ богъ, и счастливъ безконечно!

„Но ненавижу я, не только не люблю!“
Такъ губки розовыя шепчутъ мнѣ съ досадой.
Дитя, подставь мнѣ ихъ: за ненависть твою
Мнѣ будетъ поцѣлуй достаточной наградой!

9.

О, не клянись, мой другъ, цѣлуй—цѣлуй скорѣй,
Не вѣрить клятвамъ жизнь меня ужь научила!
Твои слова нѣжны, но во сто кратъ нѣжнѣй
Тотъ сладкій поцѣлуй, что ты мнѣ подарила!
Ты мнѣ дала его, дыша едва-едва,
Дала,—и что теперь всѣ клятвы, что слова!

Клянись, мой милый другъ, клянись, скорѣй клянись,
Мнѣ вѣрить хочется, что вся ты—совершенство!
Съ приливомъ новыхъ ласкъ къ груди моей прижмись,
Мнѣ вѣрить хочется, что полонъ я блаженства,
Что не измѣнишь ты въ любви мнѣ никогда,
Что будешь ты всегда моей, всегда!

10.

На глазки милой я въ короткій срокъ
Прелестные канцоны сочину;
На ротикъ, этотъ розовый цвѣтокъ,
Отличные терцины я спою;
А стансы будутъ щечки воспѣвать.
Еще-бъ хотѣлъ прекраснѣйшій сонетъ
По поводу сердечка написать,
Но не могу: его у милой нѣтъ.

11.

Міръ глушь и слѣпъ! Вдругъ, не шутя,
Твердитъ онъ, лицемѣрный,
Что у тебя, мое дитя,
Характеръ очень свѣрный!

Міръ глушь и слѣпъ! Дитя, всегда
Онъ будетъ заблуждаться,
Не зная, какъ ты иногда
Умѣешь цѣловаться!

12.

Фиалки глазокъ голубья,
И щечекъ розы молодья,
И ручекъ лиліи живья, —
Цвѣтетъ роскошно весь букетъ,
Цвѣтетъ и радостно блистаетъ,
И только въ сердцѣ блеска нѣтъ:
Цвѣтокъ любви не расцвѣтаетъ.

13.

Миръ такъ прекрасенъ, небо безмятежно,
И вѣтеръ вѣетъ такъ тепло, такъ нѣжно,
И въ утренней росѣ цвѣты сіяютъ,
И свѣтлыми головками киваютъ,
И всё кругомъ, куда ни погляжу я,
Такъ радостно поютъ, смѣясь, ликуя,—
И все-же я-бъ хотѣлъ въ могилѣ скрыться,
Чтобъ въ поцѣлуяхъ съ милой мертвой слиться.

14.

Ты помнишь—обнявшись нѣжно,
Неслися мы въ лодкѣ вдвоемъ,
Тиха была ночь, и безбрежно
Раскинулось море кругомъ.
И островъ, какъ призракъ прекрасный,
Въ сіяніи лунномъ мерцалъ,
И пѣлъ чей-то голосъ тамъ страстный,
И пѣнемъ туманъ разгонялъ,
И слалъ намъ любви обѣщанья,
На островъ манилъ за собой,—
Но вдаль, затаивши рыданья,
Неслися мы въ пучинѣ морской.

15.

Сорвавшись, звѣзда упадаетъ
И искры роняетъ свои,
Блѣднѣетъ, угасла, исчезла —
Исчезло свѣтило любви!

Съ деревьевъ цвѣты опадаютъ,
Срываетъ ихъ вѣтеръ ночной,
Слетаютъ цвѣты, содрагаясь,
И мчатся по вѣтру толпой.

Поетъ умирающій лебедь
И плаваетъ назадъ и впередъ,
Поетъ онъ все тише, все тише,
Трепещетъ и крыльями бьетъ.

И мрачно кругомъ, и беззвучно!
И нѣтъ ни цвѣтка на вѣтвяхъ,
И въ небѣ звѣзда догорѣла,
И лебедь умолкъ въ тростникахъ!

16.

Полночь была холодна и нѣма;
Лѣсъ, гдѣ бродилъ я, сковала дрема.
Воплемъ я дремлющій лѣсъ пробуждалъ,
Лѣсъ съ состраданьемъ вѣтвями качалъ.

17.

Когда-то въ жизни, полной мрака,
Мнѣ образъ ласковый свѣтилъ;
Но онъ погасъ,—и сумракъ ночи
Меня тотчасъ же охватилъ.

Когда идетъ въ потьмахъ ребенокъ,
Невольный страхъ его гнететь,
И, чтобъ прогнать свой страхъ гнетущій,
Онъ пѣсню звонкую поетъ.

И я—такой ребенокъ глухой,
Средь ночи пѣсню я пою,
И хоть звучитъ она уныло,
Я все-жъ прогналъ ей скорбь мою.

18.

Лодка мчится... Въ отдаленьи,
Блескомъ вечера облить,
Какъ туманное видѣнье,
Городъ съ башнями стоитъ.
Вѣтеръ плачущій курчавить
Посѣдѣвшій водный путь,
Мѣрнымъ взмахомъ кормчій править,
Мѣрнымъ вздохомъ дышетъ грудь,
И послѣдній лучъ роняетъ
Солнце грустно изъ-за скаль,
И то мѣсто освѣщаетъ,
Гдѣ я счастье потерялъ.

19.

Въ тоскѣ передъ твоимъ портретомъ
Стою съ поникшей головой,
И мнится мнѣ, что милый образъ
Вдругъ оживаетъ предо мной.

Уже трепещетъ смѣхъ волшебный
На нѣжныхъ, любящихъ устахъ
И слезы грустныя сіяютъ
Въ лучистыхъ, ласковыхъ глазахъ.

И я стою, и плачу горько,
Страдая вновь и вновь любя,
И не могу никакъ повѣрить,
Что потерялъ навѣкъ тебя.

20.

О, я несчастный Атлас! Міръ громадный,
Весь міръ скорбей я на себѣ подьемлю,
Ношу невыносимое, и сердце

Въ груди готово разорваться!

Но, сердце гордое, вѣдь ты же говорило:
„Иль счастья безъ конца иль хоть несчастья
Но такъ же безъ конца!“ и вотъ ты, сердце,
Теперь несчастно безконечно!

21.

Эти ручки, нѣжныя, какъ лиліи,
Я хотѣлъ бы вѣчно цѣловать
И прижать ихъ крѣпко къ сердцу бѣдному,
И тихонько зарыдать!

Эти глазки, какъ фіалки, синіе
Предо мною день и ночь стоятъ,—
О, зачѣмъ такъ странно, такъ загадочно
На меня они глядятъ?

22.

Они другъ къ другу нѣжностью горѣли,
Но оба чувства прятали свои
И другъ на друга, какъ враги, глядѣли,
А сами умирали отъ любви.
Разстались наконецъ они, и оба
Лишь въ грезахъ сна видались иногда,
И умерли, и за предѣломъ гроба
Ужь не встрѣчались больше никогда.

23.

Какъ луна сквозь сумракъ тучи
Робко леть свой нѣжный свѣтъ,
Такъ твой образъ милый свѣтитъ
Мнѣ сквозь тьму далекихъ лѣтъ.

Всѣ на палубѣ сидѣли,
Гордо старый Рейнъ шумѣлъ,
Берегъ, зеленю покрытый,
Въ блескѣ солнечномъ горѣлъ.

Я у ногъ твоихъ безмолвно
Пѣнью свѣтлыхъ волнъ внималъ,
Солнца лучъ дрожащій, яркій
На лицѣ твоємъ игралъ.

Звуки музыки звенѣли,
Свѣтлой радостью дыша,
Ярче небо разгорѣлось,
Ярче вспыхнула душа!

Точно въ сказкѣ, мчались мимо
Горы, замки на горахъ,
Точно въ сказкѣ, нѣгу счастья
Я читалъ въ твоихъ глазахъ!

24.

Не тоскуй, не плачь, о, сердце,
Смѣло глянь въ глаза судьбѣ:
Все, что зимній холодъ сгубить,
Новый Май отдастъ тебѣ!
И какъ міръ еще заманчивъ!
Сколько дивныхъ въ немъ красотъ!
Все твое, что ты полюбишь,
Для тебя весь міръ цвѣтетъ!

25.

Дитя! Какъ полевой цвѣтокъ, ты
Чиста, прекрасна и мила;
Гляжу я на тебя, и мука
Мнѣ смутно въ сердце залегла.
И руки надъ твоей головкой
Въ мольбѣ охотно-бъ я сложилъ,
Прося, чтобъ Богъ прекрасной, чистой
Тебя навѣки сохранилъ.

26.

Ребенокъ съ ротикомъ пурпурнымъ,
Со взоромъ, полнымъ красоты,
Мой милый, ласковый ребенокъ,
Какъ отъ меня далеко ты.
А нынче дологъ зимній вечеръ!
Лечу къ тебѣ мечтой своей,
Сажу съ тобой, съ тобой болтаю
Въ уютной комнаткѣ твоей!
И къ бѣлымъ ручьямъ припадаютъ
Уста влюбленныя мои,
И оросить спѣшу слезами
Я ручки бѣлыя твои!

) —

27.

Пусть буря за окномъ рыдаетъ,
И дождь несетъ, и снѣгъ вздымаетъ,
И съ воплемъ ставнями стучить,—
Она меня не устрашить:
Въ душѣ всегда ношу весну я,—
Твой образъ тамъ царить ликуя.

28.

Ты влюбленъ, о, другъ мой милый,
Полонъ новыхъ ты скорбей;
Въ головѣ—туманъ и сумракъ,
Въ сердцѣ—съ каждымъ днемъ свѣтлѣй!

Ты влюбленъ, о, другъ мой милый,
Что-жь ты мнѣ твердишь все „нѣтъ“,
Я вѣдь вижу: пламя сердца
Такъ и блещетъ сквозь жилетъ!

29.

Кто любить въ первый разъ, какъ Богъ тотъ счастливъ,
Хотя бы и несчастно онъ влюбился;
Но тотъ глупецъ, кто любить во второй разъ
И вновь любви взаимной не добился.

Увы! Какъ разъ такой глупецъ я: снова
Я отъ любви непризнанной страдаю,
И солнце, мѣсяцъ, звѣзды, всѣ смѣются,
И съ ними я смѣюсь—и умираю!

29.

Въ почтовой каретѣ вдвоемъ мы
Несемся сквозь сумракъ ночной,
Ласкались другъ къ другу мы нѣжно,
Смѣялся, шутилъ я съ тобой.

И какъ же, дитя, мы дивились
Съ тобою, какъ день разсвѣталъ:
Межь нами—негаданный спутникъ—
Лукавый Амуръ воссѣдалъ!

30.

О, если будешь ты, дитя, моей женой,
Не будешь ты ни въ чемъ нуждаться никогда,
Ты неизмѣнно будешь счастлива со мной,
И будетъ жизнь твоя забавъ полна всегда.

Ты будешь плакать, и кричать, меня бранить,
Капризы, крики, брань—я все снести готовъ,
Но разъ стихи мои не будешь ты хвалить,
Я разведусь съ тобой тотчасъ безъ дальнихъ словъ.

32.

Ты ужь врагъ мой? И сверхъ злобы,
Награждаешь клеветой?
О, дитя мое, какъ дурно
Ты обходишься со мной!

Губки! Вы неблагодарны!
Какъ могли вы клеветать
На того, кто такъ привыкъ васъ
Крѣпко, жарко цѣловать!

33.

Когда я началъ пѣснь свою,
Кастраты всѣ меня бранили,
На перекресткахъ всѣхъ трубили,
Что слишкомъ грубо я пою.
Они тотчасъ же разглядѣли,
Что я съ любовью незнакомъ,
И всей толпой своей зацѣли
Кристалльнымъ тонкимъ голоскомъ—
О ясной нѣгѣ, упоеньи,
И о любви, и о мечтахъ,—
И дамы плавали въ слезахъ
При этомъ сладкомъ, нѣжномъ пѣньи.

34.

Лѣтній вечеръ тихо брежить
Въ чащѣ лѣса и въ лугахъ,
Освѣжительно-прекрасный
Свѣтитъ мѣсяцъ въ небесахъ.
У ручья поетъ кузнечикъ
Вмѣстѣ съ звонкою волной,
Путникъ слышитъ смѣхъ и всплески
И дыханье надъ водой,—
То прелестная сальфида
Все купается одна,
И блеститъ въ сѣяньи лунномъ
Рукъ и груди бѣлизна.

35.

„Позвольте, Fgäulein, отдохнуть
Больному сыну Музы свѣта
И на свою лебяжью грудь
Склоните голову поэта,
Чтобъ могъ на ней онъ въ грезахъ спать!“
„— Mein Neff, какъ смѣли вы мнѣ это
При цѣломъ обществѣ сказать?!“

36.

Роща вся въ цвѣты и зелень,
Какъ невѣста, убрана,
И смѣется солнце съ неба:
„Здравствуй, юная весна!“

Соловей, и ты запѣлъ ужь
Пѣсни нѣжныя свои,
Пѣсни полныя рыданій,
Пѣсни звонкія любви!

37.

Мотылекъ влюбился въ розу
И порхаетъ все надъ ней,
А надъ нимъ блеститъ, порхаетъ
Солнца лучъ въ красѣ своей.
А въ кого влюбилась роза?
Кто въ мечтахъ ея всегда?
Соловей-ли сладкозвучный?
Иль вечерняя звѣзда?
Что мнѣ въ томъ, не знаю право!
Всѣхъ люблю сердечно я:
Мотылька, и лучъ, и розу,
И звѣзду, и соловья!

38.

Всѣ деревья звуковъ полны,
Гнѣзда всѣ въ лѣсу поютъ,
Чудный хоръ! Желалъ бы знать я,
Капельмейстеръ кто же тутъ?

Можетъ-быть тотъ сѣрый чибисъ,
Что киваетъ головой?
Или тотъ педантъ, что мѣрно
Все кукуетъ надо мной?

Или чопорный тотъ аистъ,
Что, кругомъ бросая взоръ,
Важно ногу поджимаетъ,—
Ужь не онъ-ли дирижеръ?

Нѣтъ, въ моемъ влюбленномъ сердцѣ
Капельмейстеръ тотъ сидитъ:
То Амуръ! Надъ чуднымъ хоромъ
Онъ съ улыбкою царитъ!

39.

Въ священный союзъ насъ сковала
Любовь единеньемъ своимъ,
Сердца наши шепчутся нѣжно
И бьются бѣньемъ однимъ.
И только прелестная роза,
Что ты приколола къ груди,
Союзница вѣрная наша,
Измята совсѣмъ,—погляди!

40.

Былъ старый король,—съ сердцемъ мрачнымъ, суровымъ;
Блистая въ его головѣ сѣдина.
Женился король,—и въ дворцѣ его пышномъ
Томилась его молодая жена.

Прекрасный былъ пажъ,—съ головой бѣлокурой;
Веселье онъ сердцемъ веселымъ любилъ;
Всегда съ королевой онъ былъ неразлучно:
Онъ шелковый шлейфъ королевы носилъ.

Ты знаешь-ли старую пѣсенку эту?
Звучить такъ печально, такъ нѣжно она!
Другъ друга любили они безконечно,
И смерть имъ за это была суждена!

41.

Въ чащѣ лѣса, въ лунномъ свѣтѣ,
Предо мной сивфида мчались,
Ихъ рожки звенѣли нѣжно,
Колокольчики смѣялись.

На оленяхъ золоторогихъ
Рѣзво всѣ онѣ сидѣли,
И олени въ лунномъ свѣтѣ,
Точно лебеди, летѣли.

И сивфида-королева
Вдругъ улыбку мнѣ послала,—
Что-жь, любовь она дарила
Или смерть мнѣ предвѣщала?

42.

Въ письмѣ своемъ ты злобой дышишь,
Не хочешь больше быть моей.
Не страшно мнѣ! Ты длинно пишешь—
Страницъ двѣнадцать! Ей-же-ей,
Все это, другъ мой, очень странно,
И нѣтъ ни капли смысла тутъ:
Ну, развѣ пишутъ такъ пространно,
Когда карету подаютъ!

43.

Въ лучезарномъ сіяньи роскошнаго дня
Ярко бурное море горитъ.
О, друзья, бросьте въ бездну морскую меня,
Когда жизнь отъ меня отлетитъ!
Такъ влечетъ къ себѣ ласковыхъ водъ глубина,
Что блеститъ предо мной впереди!
При сіяніи солнца морская волна
Такъ баюкаетъ горе въ груди!

44.

Катарина.

Прекрасная звѣзда средь ночи мнѣ сіяетъ,
Съ улыбкой ясною я взоръ къ ней устремляю,
И счастье новое она мнѣ обѣщаетъ,—
О, не солги мнѣ, умоляю!

Какъ океанъ луну въ объятія принимаетъ,
Такъ сердце нѣжное тебѣ я предлагаю,
И блескъ твоихъ очей мнѣ ласково сіяетъ,—
О, не солги мнѣ, умоляю!

45.

Э м м а.

Эмма, милая, скажи мнѣ:
Отъ любви-ли я безуменъ
Иль люблю тебя такъ нѣжно,
Оттого что неразуменъ?

Сверхъ природнаго безумья,
Сверхъ безумствъ любви, о, Эмма,
Меня мучаетъ ужасно
Эта страшная дилемма!

46.

На уснувшій берегъ моря
Ночь въ сіяньи звѣздъ глядитъ,
Въ облакахъ блистаетъ мѣсяць,
И волна, смѣясь, шумитъ:
„Кто стоитъ на берегу томъ?
Онъ безумецъ? Иль влюбленъ?
То смѣется онъ, то плачетъ,
То все шепчетъ что-то онъ!“
За волной стремится мѣсяць
И смѣется ей вослѣдъ:
„И влюбленъ онъ, и безумецъ,
Да и сверхъ того поэтъ!“

47.

Въ лѣсу шумитъ осенній вѣтеръ
Средь ночи темной и сырой;
Закутанъ въ плащъ—угрюмый всадникъ—
Одинъ я мчусь сквозь лѣсъ глухой.

Я быстро мчусь, и быстро грезы
Несутся въ сумракѣ ночномъ,
На крыльяхъ легкихъ и воздушныхъ
Несутъ меня въ твой свѣтлый домъ...

Собаки лаютъ; со свѣчами
Выходятъ слуги предо мной;
Со звономъ шпоръ иду поспѣшно
Я вверхъ по лѣстницѣ витой.

Твоя гостинная блистаетъ,
И ароматна, и тепла,
И ты меня, съ улыбкой нѣжной,
Въ свои объята приняла...

Шумить среди деревьевъ вѣтеръ,
И шепчуть листья мнѣ кругомъ:
„Куда ты мчишься, глухой всадникъ
Съ своимъ безумнымъ, глухимъ сномъ?“

48.

И у меня была родина милая.
Весь окружень
Быль тамъ фіалками дубъ зеленѣющей.
Это былъ сонъ.

Слышалъ я говоръ родной. Подъслуями
Быль упоень.
Слово „люблю“ мнѣ звучало, какъ музыка.
Это былъ сонъ.

49.

„Гдѣ, скажи, твой свѣтлый ангелъ?
Какъ его ты воспѣвалъ
Въ дни, когда волшебный пламень
Чудно сердце озарялъ!“

— Ахъ, угасъ волшебный пламень,
Сердце скорбное молчить!
Эта книга, эта урна
Прахъ любви моей хранить!

50.

Смерть—это ночь, ароматная, влажная,
Жизнь—это знойный, удушливый день.
День утомилъ меня, мнѣ уже дремлется,
Ночи цѣлительной близится тѣнь.

Надъ головой моей липа склоняется,
Пѣснь соловья тамъ звенитъ средь вѣтвей,
Слышу во снѣ, какъ меня онъ баюкаетъ,
Все про любовь мнѣ поетъ соловей.

1.

Вечеръ.

Вечеръ! Солнце догораетъ,
И уснулъ усталый день,
Надъ прудомъ склонясь, роиаетъ
Ива дремлющую тѣнь.

Нѣтъ любви! Одни страданья!
Пусть слеза скорѣй бѣжитъ:
Здѣсь такъ грустно ивъ роптанье,
Грустно такъ тростникъ шумить!

Нѣжный свѣтъ въ мое страданье
Лей, о, свѣтлая вода,
Какъ, сквозь иву, леть сіянье
Здѣсь вечерняя звѣзда!

2.

Нѣмая любовь.

О, продли волшебный мигъ
И склони свой взоръ прекрасный,
Чтобъ, взглянувъ на чудный ликъ,
Я забылся въ нѣгѣ ясной,
Какъ лампы блескъ нѣмой
Чуть трепещетъ, умирая,
И Мадонны ликъ святой
Въ нѣгѣ ясной озаряя!

3.

Созвучье.

Въ сердцѣ моемъ эта пѣснь родилась въ глубокую полночь.
Колоколь мѣрно гудѣлъ, прокатилось двѣнадцать ударовъ,
Въ сердцѣ моемъ раздалось двѣнадцать могучихъ отзвонъ,—
Вылились въ строки глухія—глухія полночные звуки.

4.

Прощальный взглядъ

Точно блаженства безбрежнаго море,
Взглядъ твой глубокой и полный участя,
Свѣтитъ мнѣ ярко. На трудъ и на горе
Я уѣзжаю, и все мое счастье:
Передъ разлукой, забывши ненастье,
Взоромъ обнять это свѣтлое море.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Отдѣлъ первый.

Страницы.

1. Двѣ волны	9
2. Что мнѣ въ цвѣтахъ!	10
3. Струя	11
4. Степь	12
5. „Они сошлись ночью въ роцѣ темной“...	14
6. Мигъ	16
7. „Не думай скорби мировой“...	18
8. Лодка	21
9. Искры	22
10. На валу	23
11. Поэту	24
12. Золотая заря	26
13. Пробужденіе	27
14. „Я гдѣсь услыхалъ родную“...	28
15. Полдень	30
16. Горечь муки	31
17. Въ саду	32
18. Д. ***	33
19. У рѣки	35
20. Стансы	37
21. „Зачѣмъ ты такъ грустна?“	39

Отдѣлъ второй. Переводы.

Сюлли Прюдомъ.

22. Роса	49
23. Здѣсь на землѣ	51
24. „Ужь съ нею не увижусь больше я!“	52
25. Сходство	54
26. Это было давно	56

Альфредъ Мюссе.

27. Надежда 61
28. Не забывай! 62

Жанъ Лягоръ.

29. Д. *** 67
30. На мотивъ Шумана 69
31. Легенда 70
32. Юднѣ 71
33. Сирена 73

Гейне.

34. „Замокъ съ выси горъ глядится“... 79
35. „Въ волшебный, свѣтлый мѣсяцъ Май“... 81
36. „Изъ слезъ моихъ пышныя розы родятся“... 82
37. „Лишь на тебя я посмотрю“... 83
38. „Къ моей щекѣ своей щекой прижмись“... 84
39. „На небѣ звѣзды ярко“... 85
40. „Отъ солнца все прячется лотосъ“... 86
41. „Не любишь ты меня, меня не любишь ты“... 87
42. „О, не клянись“... 88
43. „На глазки милой я въ короткій срокъ“... 89
44. „Миръ глушь и слѣнь!“ 90
45. „Фиалки глазокъ голубыя“... 91
46. „Миръ такъ прекрасенъ“... 92
47. „Ты помнишь“... 93
48. „Сорвавшись, звѣзда упадаетъ“... 64
49. „Полночь была холодна и нѣма“... 96
50. „Когда-то въ жизни, подной мрака“... 97
51. „Лодка мчится“... 98
52. „Въ тоскѣ передъ твоимъ портретомъ“... 99
53. „О, я несчастный Атласъ!“ 100
54. „Эти ручки“... 101
55. „Они другъ къ другу нѣжностью горѣли“... 102
56. „Какъ луна сквозь сумракъ тучи“... 103
57. „Не тоскуй, не плачь, о, сердце“... 105
58. „Дитя! Какъ полевой цвѣтокъ ты“... 106

59. „Ребенокъ съ ротикомъ пурпурнымъ“... 107
60. „Пусть буря за окномъ рыдаетъ“... 108
61. „Ты влюбленъ“... 109
62. „Кто любить въ первый разъ“... 110
63. „Въ почтовой каретѣ“... 111
64. „О, если будешь ты, дитя, моей женой“... 112
65. „Ты ужь врагъ мой?“ 113
66. „Когда я началъ пѣснь свою“... 114
67. „Лѣтній вечеръ“... 115
68. „Позвольте, Fräulein, отдохнуть“... 116
69. „Роща вся въ цвѣты и зелень“... 117
70. „Мотылекъ влюбился въ розу“... 118
71. „Всѣ деревья звуковъ полны“... 119
72. „Въ священный союзъ“... 121
73. „Былъ старый король“... 122
74. „Въ чашѣ лѣса“... 123
75. „Въ письмѣ своемъ“... 124
76. „Въ лучезарномъ сѣяньи“... 125
77. Катарина 126
78. Эмма 127
79. „На уснувшій берегъ моря“... 128
80. „Въ лѣсу шумитъ осенній вѣтеръ“... 129
81. „И у меня была родина милая“... 131
82. „Гдѣ, скажи, твой свѣтлый ангелъ“... 132
83. „Смерть—это ночь, ароматная, влажная“... 133

Ленау.

84. Вечеръ 137
85. Нѣмая любовь 138
86. Совучье 139
87. Прощальный взглядъ 140